

ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.7

EDN: UPWPMR

Социологические методы исследования молчания

Ссылка для цитирования: Спиркина А. К. Социологические методы исследования молчания // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 2. С. 135–150. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.7; EDN: UPWPMR.

For citation: Spirkina A. K. Sociological Methods of Studying Silence. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 135–150. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.7; EDN: UPWPMR.

SPIN-код: 9208-8977

Спиркина Анастасия Константиновна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

spirkina.ak@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена методам изучения молчания как социального феномена. Как исследовательский объект оно характеризуется высокой мерой неопределенности, множественностью интерпретаций и даже мистификациями. Следовательно, чтобы перевести вопрос о молчании из абстрактных дискуссий в научное эмпирическое изучения необходимо определить релевантные методы его исследования. Это, в свою очередь, является принципиальным для преодоления той «неясности», которую накладывает на практики молчания культура. Одним из способов такого преодоления выступает микроструктурный социологический подход к пониманию молчания как элемента ситуации, который развивается в настоящей статье. В работе обосновывается релевантность качественной стратегии исследования молчания, анализируется познавательный потенциал включенного и невключенного наблюдения, интервью, анализа документов и конверсационного анализа в исследовании молчания. Молчание понимается автором как принципиально слышимый и наблюдаемый феномен. Таким образом, методологический анализ, проведенный в работе, в широком смысле, относится не только к молчанию, но и ко всем культурным феноменам, которые можно «перевести» на язык пространственно-временной определенности и исследовать в этом качестве.

Из такого понимания исследовательского объекта конструируется и набор основных методов исследования молчания как микроструктурного феномена. Наблюдение, основанное на понимании смысла, является ключевым исследовательским методом. Оно работает со структурой ситуации непосредственно, не влияя на нее. Методы интервью и анализа документов являются дополнительными, но зачастую необходимыми, в связи с недостаточным доступом к непосредственному наблюдению у исследователя, а также для ограничения исследовательского субъективизма и дополнения информации, получаемой только через личное участие. Методы конверсационного анализа и этнометодо-

логического эксперимента также оказываются весьма ценными при решении указанных исследовательских задач, однако, имеют более специфичные функции. Конверсационный анализ ориентирован на работу со слышимым и наблюдаемым молчанием, создание аудио- (видео-)записи и транскрипта, показывающего структурное расположение молчания и пауз. Удобство использования данного метода ограничивается анализом относительно непродолжительного взаимодействия, например, повседневного разговора. Эксперимент же воздействует на ситуацию, преобразует ее, зато позволяет таким образом найти объективные и субъективные зоны ситуации, где молчание или его отсутствие являются значимыми элементами ситуации.

Ключевые слова: социология, молчание, структура ситуации взаимодействия, качественная стратегия, социология повседневности, наблюдение, конверсационный анализ

Введение

Молчание представляет собой весьма неопределенный, эмпирически вариативный, подверженный не только множественным интерпретациям, но и мистификациям объект изучения. Как же в таком случае возможно его эмпирическое исследование? В публикационном или «закулисном» научном пространстве российской и зарубежной социологии нетрудно встретить «ученые» разговоры о молчании, о его смыслах и характеристиках, о влиянии на социальную жизнь, об эффектах, которые оно производит. Но возможно ли молчание «уловить», эмпирически зафиксировать и подвергнуть тем самым научному изучению?

Ряд социальных исследователей занимается проблематикой молчания как проблемой «невысказанного» [см. напр.: 7; 15; 21; 22; 25; 27]. Анализ невысказанного, скрытого, тайного, лежащего в основе, но не замечаемого и т. д., хотя вызывавший интерес еще у классиков социологии, представляется актуальным направлением исследований, особенно в современном обществе, где люди перенасыщены разнообразной информацией, приглушающей отсутствие в речевом потоке того важного, что (случайно или нарочно) сказано не было. Анализ дискурсивных практик связан с исследованием того, что сказано, и того, что должно / могло было быть сказано – то есть, в сущности, не с молчанием как таковым, а с различными «вариантами» речи.

С другой стороны, исследуется и «конструктивное» молчание, обладающее собственным значением, некоторой ролью во взаимодействии, нацеленное не на дезинтеграцию, а на коммуникацию (вследствие чего происходит перенос фокуса внимания на микроуровень социальной жизни) [см. напр.: 1; 17; 20; 24; 26]. Чаще всего последнее понимание молчания предполагает работу с его реальными воплощениями, т. е. молчанием, понятым «буквально» [8]. Молчание здесь предстает не во всей бесконечной совокупности своих значений, в которых оно используется людьми в языке, но как то, что видно и слышно здесь и сейчас. Поиски такого молчания связаны не с тонким улавливанием следов тех институтов и процессов, о которых можно

только абдуктивно догадаться, а с непосредственным чувственным восприятием ситуации, в которой присутствует молчание. Только если изучается молчание, которое исследователь не может воспринимать самостоятельно и/или непосредственно, нам приходится ограничиться описаниями, полученными от других «очевидцев» (в виде различных текстовых данных)¹.

Мы используем понимание молчания в буквальном смысле, как наблюдаемое «неговoreние» человека или людей. Но, кроме того, интересующим нас в настоящей работе объектом исследования является молчание как отсутствие воспроизводимой человеком звучащей речи и (одновременно) определенной участниками ситуации, где оно имеет место, как «молчание» (отсутствие речи, иногда – речевая пауза). То есть, для нас представляет интерес не просто то молчание, которое выглядит как отсутствие речи, но именно то из этой совокупности, которое обычно называется людьми молчанием. Так, определение нами молчания включает как объективный, так и интерсубъективный элементы.

Наше понимание молчания ограничено феноменами микроуровня социальной жизни, на котором непосредственно проявляются формы социально-упорядоченного человеческого поведения. Кроме того, бытование молчания как элемента бесконечного потока повседневной жизни в высокой мере определяется той (чаще всего типичной) ситуацией (фреймированным отрезком реальности), в которую оно включается.

Таким образом, в силу специфики исследуемого объекта эмпирическое исследование молчания могло бы сочетать в себе несколько методов, принятых и развитых в традиции качественной методологии. Оно предполагает изучение конкретных форм молчания внутри конкретной ситуации социального взаимодействия. Подобное исследование, таким образом, предполагало бы описание структур ситуаций взаимодействия и роли молчания в них и было основано на методах:

1. Включенного и невключенного наблюдения молчания в контексте взаимодействия.
2. Полуформализованного интервью, предоставляющего данные о роли и смысле молчания в различных ситуациях.
3. Анализа документов, фиксирующего молчание (недоступное непосредственно) в различных ситуациях, а также анализа устных и письменных контекстов употребления слова «молчание».
4. Детального анализа «речи-во-взаимодействии», или конверсационного анализа, предназначенного для реконструирования локального социального порядка в практике разговора, изучения молчания в структуре повседневного естественного диалога и анализа невербальных компонентов коммуникации.

¹ «Опосредованные» методы исследования молчания в рамках данной работы (различные виды интервью, анализ документов и т. д., которые в том числе рассматривались в настоящей статье), разумеется, не работают со «здесь-и-сейчас» наблюдаемым молчанием, однако, подразумевают именно его в качестве исследовательского объекта, то есть, пытаются по следам и «признакам» получить социологически значимую информацию о молчании, которое *можно было бы слышать* и наблюдать («буквальное молчание»), но по некоторым причинам недоступного исследователю.

Результаты исследования таким образом понятого молчания, с использованием выше указанных методов, позволили бы сделать выводы о роли молчания в социальном взаимодействии, его месте в структуре конкретных типов социальных ситуаций, и тем самым получить ясное, эмпирически верифицируемое знание о феномене молчания, характеризующимся столь высокой мерой неопределенности.

Основной задачей подобного исследования является наблюдение ситуации с позиции участника или стороннего наблюдателя и выявление ее (ситуации) логической структуры, в сущности, «лежащей на поверхности» и существующей для самих акторов способом ориентации во взаимодействии. Однако, простого наблюдения или даже опыта участия почти никогда не бывает достаточно, так как надежное знание о микросоциальных структурах сами участники социальной жизни получают через многократный опыт и некоторые фоновые знания (проговариваемые или нет), обычно тратя на это гораздо больше времени, чем есть у любого современного исследователя. Таким образом, целью данной статьи является прояснение исследовательских возможностей социологических методов, которые могут быть использованы для изучения феномена молчания в его буквальном значении, как наблюдаемого феномена.

Наблюдение

Методическим ядром исследования наблюдаемого молчания, как ясно из его названия, является непосредственное наблюдение. Причина этого также кроется и в общем теоретико-методологическом подходе. Например, для этнометодологии, чью оптику мы в том числе заимствуем для исследования молчания, мир состоит не из видимого и скрытого, кажущегося-поверхностного и истинно-глубинного, а из потока практик, находящихся «на поверхности», принципиально открытых взору. Разумеется, чтобы реально исследовать такое эксплицитное знание, нужно не «просто посмотреть». Необходима особая техника отстранения, описания и интерпретации этих практик [2].

Хотя наблюдение – общенаучный метод, его применение в социально-гуманитарных дисциплинах имеет свою специфику. Дело в том, что наблюдение человека за другими людьми предполагает прохождение через процесс понимания – о том, что действия и слова наблюдаемых могли бы означать, какой в них заложен смысл (в том числе, смысл микроструктурный). Понять молчание сложно, так как оно «ничего не говорит», но участвуя в социальных взаимодействиях и наблюдая за ними, люди активно используют молчание и более или менее успешно интерпретируют молчание партнеров по взаимодействию. Поэтому во многом именно в силу обладания социальными компетенциями социолог может реконструировать смысловую структуру актуального взаимодействия и значение молчания, которое в нем содержится.

Преимущество наблюдения заключается в том, что данный метод почти никак не воздействует на естественное протекание социальной жизни. Качественный подход предполагает неструктурированное наблюдение, ограниченное только определенным фокусом внимания. Тем не менее, принцип методологической строгости требует от наблюдения систематичности и упорядоченности, поэтому целенаправленное социологическое наблюдение ситуации часто сопровождается написанием дневника наблюдения. Однако, там, где социологически значимое наблюдение произошло случайно или очень давно (например, знание о том, как протекает детская игра «молчанка»), или там, где дневник вести невозможно (к примеру, как на 10-дневном курсе випассаны¹, который запрещает ведение любых записей), за описанием социальных ситуаций остается обращаться только к памяти самого исследователя или участника конкретного взаимодействия.

Еще больше естественность ситуации оберегает включенное наблюдение. Последнее позволяет лучше наблюдать не только социальную структуру ситуации, но и уровень индивидуальной вовлеченности, которую производит определенная роль во взаимодействии и ее эмоциональное восприятие. Включенное наблюдение предполагается и тогда, когда изучаемое сообщество достаточно закрыто и структурировано, чтобы создать внутри себя еще одну «ролевую вакансию» в качестве наблюдающего социолога. Например, в исследовании практики 10-дневного медитативного молчания – випассаны – израильская исследовательница М. Пагис обсуждала с организаторами медитативных курсов свои профессиональные цели посещения ретритов, но в итоге принимала в них участие в качестве «студента» или «служащего» (две основные роли на курсе випассаны) [см.: 19; 20]. Отчасти она поступала именно так, потому что принятие определенной роли в изучаемой группе приводит к тому, что исследование начинает носить более «погруженный» характер. В любом случае, структура випассаны, выстроенная с особой заботой о том, чтобы студент не ощущал присутствие людей в его повседневной жизни на курсе, не предполагает наличие социолога-наблюдателя².

Собственно, и социальная организация христианской монастырской жизни, основанная на тишине (что особенно значимо для такого направления православной мысли и практики, как исихазм), также исследуется методом включенного наблюдения [см. напр.: 6]. Особенно важным здесь оказывается сам опыт исследователя, который, попадая в молчаливую монастырскую среду, наблюдает процесс адаптации собственного тела к соблюдению особых норм тишины, принятых в монашеском сообществе.

¹ Здесь имеются в виду групповые 10-дневные медитативные ретриты по С. Н. Гоенке, которые проводятся регулярно в специальных закрытых медитативных центрах по всему миру, в том числе, в России. Одной из характерных особенностей коллективной медитации в данной традиции является молчание «на всех уровнях», поэтому правилами курса регламентируется, помимо прочего, и отказ от ведения записей.

² Наш собственный опыт микросоциологического исследования «молчаливых» пространств медитационного центра (в том числе и в особенности, методом включенного наблюдения), включая как коллективную медитацию в общем зале, так и молчаливую организацию совместного быта в других пространствах центра, описан в [11].

Интервью

Интервью можно использовать как для получения субъективных данных (о личных воспоминаниях, чувствах, ощущениях и эмоциях), так и для получения объективных данных о социальном порядке ситуации. И та и другая цель для проведения интервью служит в исследовании молчания дополнением к наблюдению или необходима тогда, когда непосредственное наблюдение невозможно. Полуструктурированное интервью подходит для этих целей лучше всего, так как представляет собой свободный, но сфокусированный на теме и интересующих социолога аспектах, диалог.

Так как структуры ситуации – это всегда структуры индивидуального сознания, интервью с участниками ситуации о том, как они ее воспринимают, могут быть полезны с точки зрения смягчения исследовательского субъективизма. Если за предпосылку исследования ситуаций брать тезис о том, что ситуативные структуры в более или менее обобщенном, общезначимом виде существуют (следствием чего является социальный порядок или хотя бы определенная упорядоченность повседневной жизни), то, тем не менее, нельзя предполагать, будто исследователь схватил ту самую структуру, как ее понимают все остальные. Хотя структура ситуации хорошо отражается и в самих действиях, и даже в движениях человеческих тел и обстановке вокруг, объяснения и собственные описания событий, в которых люди участвуют, могут помочь уточнить данные, полученные в непосредственном наблюдении. При этом в принятой нами методологии данные интервью становятся «вторым слоем» социальной жизни, который исследователь, применяя все свое мастерство, «накладывает» на непосредственную реальность и проводит их тонкое сопоставление.

Например, в одном из исследований автора, посвященного изучению внутренней социальной организации ситуации гражданской панихиды (значимым элементом которой является т. н. «минута молчания»), использовались, помимо прочего, материалы нескольких собранных нами полуструктурированных интервью с представителями похоронных агентств [12], которые в отличие от рядовых участников гражданской панихиды, во-первых, достаточно отстранены от «драматичности» всего действия, во-вторых, имеют опыт такого эмоционально-нейтрального участия в значительно большем объеме, чем обычный человек и, в третьих, сфокусированы (в силу профессиональной деятельности) как раз на организации, то есть, на внутренней структуре взаимодействия, и потому, больше других похожи в своем естественном взгляде на данную практику с тем взглядом, который пытается уточнить социолог. Метод интервью (применительно к медитаторам – участникам курса випассаны) был также крайне полезен в исследованиях уже упомянутых нами медитативных пространств – после окончания курса и снятия запрета на речь [11; 18–20; 23].

В исследовательской практике само интервью нередко становится предметом рефлексии относительно возникающего в нем молчания. Молчание в ситуации интервью может предоставлять данные не только

о микросоциальной структуре самого события (интервью), но и отражать некоторые значимые особенности той исследовательской ситуации, в которой социолог пытается разобраться при помощи данного метода [4; 9].

Например, в ходе интервью, посвященного травматичным или психологически некомфортным, сенситивным темам (нарративное, глубинное, биографическое интервью), молчание и паузы могут возникать именно вследствие такой специфической тематизации и даже полноценно включаться в структуру интервью как коммуникативно значимый элемент. Таким образом, интервью как метод сбора социологической информации само может становиться объектом рассмотрения в качестве особой ситуации на микроуровне, в которой присутствует молчание. Следовательно, вопросы о роли, длительности, уровне напряженности, эмоциональном фоне и т.п. молчания могут быть рассмотрены, с одной стороны, как отражение особенностей бытования поднимаемых тем в культуре, с другой стороны, – как контекстное, ситуативно обусловленное и ситуативно уместное действие (или с обеих сторон сразу). Определение соотношения «культурного» и «микроструктурного» (также и психологического, социально-психологического и других) вкладов в характеристику молчания конкретного типа, разумеется, требует отдельного обстоятельного исследования.

Кроме того, метод интервью может оказаться весьма ценным и применяться в комплексном исследовании феномена молчания – не только на микроуровне, как элемента конкретных ситуациях социального взаимодействия, но и на уровне более высоких обобщений о социальных представлениях людей о молчании.

Анализ документов

Уловить молчание само по себе трудно. Нужно по крайней мере знать, где искать. Обыденный язык, с первого взгляда, только мешает этой задаче, потому что внутри него «молчанием» могут называться самые разные феномены. Однако, типичные контексты употребления этого слова и значения, которые имплицитно ему приписываются, могут помочь в определении места молчания в культуре. Для этих целей будет релевантен метод качественного контент-анализа. Анализ контекстов употребления слова «молчание» – это скорее задача предварительного исследования, связанная с приобретением общего представления об исследовательском объекте и его месте в языке и, возможно, повседневности. Разумеется, разговоры о молчании и само молчание – разные, чуть ли ни диаметрально противоположные, вещи. Но разговоры определенным образом осмысляют феномен молчания в обществе естественными путями, еще до целенаправленного социологического изучения, то есть представляют собой попытку «справиться» с молчанием, найти ему применение, понять его и научиться играть с молчанием в языковые игры. Неконструктивно игнорировать этот ценный исследовательский материал.

Хотя анализ документов нельзя назвать методом, с помощью которого молчание предстает перед социологом непосредственно, он может быть полезно в случаях, когда «послушать» молчание в определенных ситуациях оказывается невозможно, то есть, когда доступ к «полю» затруднен. Степень «закрытости» поля при этом может быть разная, как, к примеру, у практик обета молчания в закрытых монашеских общинах или минуты молчания на обычной гражданской панихиде. Реконструкция структуры и смыслов повседневной ситуации, в которой существует молчание, возможна при анализе источников, описывающих как именно реализуется определенная практика, какие в ней действуют формальные (анализ кодексов, уставов, сводов правил) и неформальные (анализ личных документов) правила. «Документ» (обычно текст), подлежащий анализу, может быть собран как самим социологом специально для его исследования (через интервью, дневники наблюдения), так и представлять собой артефакты самой социальной жизни. Разумеется, невозможно достоверно описать повседневность принявших обет молчания монахов, основываясь только на монастырском уставе. Однако, из него можно получить представление о том, как по мнению участников должен был бы выглядеть данный набор взаимодействий.

При анализе документов необходимо внимательно относиться к поиску релевантных источников, особенно в случае с изучением молчания. Мы указывали об этой проблеме выше: молчание часто используется в текстах в метафорическом, а не прямом смысле. Поэтому поиск документов, в которых молчание зафиксировано в буквальном смысле, будет связан с отбраковыванием множества нерелевантных значений слова «молчание» и вообще основываться на уже заранее известных исследователю ситуациях, где молчание имеет устойчивое и упорядоченное социальное существование.

Таким образом, анализ документов, так же как и метод интервью, может использоваться в исследовании молчания (в отличие от других упоминаемых нами методов) двумя разными способами. Во-первых, – как анализ некоторой эмпирически реальной, письменно зафиксированной в документе, ситуации, в которую включено молчание. Во-вторых, анализ документов может отмечать контексты употребления слова «молчания», тем самым представляя более широкий контекст его бытования в культуре.

Конверсационный анализ

Молчание, в сущности, – это не текст. С другой стороны, текст окружает молчание (или наоборот – молчание окружает текст), и от того, каким именно будет это молчание, зависит восприятие речи. Например, в молчанке, где ключевым элементом взаимодействия является именно молчание само по себе, текст, который произносится перед молчанием, имеет принципиально важное значение. Он «запускает» определенный тип взаимодействия и придает молчанию смысл игровой задачи, в отношении которого надо постараться «сбить оппонента с ног» – заставить рассмеяться или

заговорить [10; 13]. В рамках конверсационного анализа «нужно отображать слышимые участниками детали разговоров, составляющие естественную структуру взаимодействия. Это не детали речи, это детали действий, предпринимаемых собеседниками, т. е. практики разговора» [5, с. 126]. Одним из преимуществ данного метода является его направленность на наблюдение, запись и анализ того, что действительно имело место (было сделано и сказано) в конкретном взаимодействии, то есть, в этом смысле, на объективные («интерсубъективные») феномены, а не на субъективные представления участников разговора, притом озвученные уже после того, как взаимодействие состоялось. Молчание и речь, воспринимаемые как действия, из философско-поэтического противопоставления становятся в конверсационном анализе однопорядковыми эмпирическими феноменами, посылающими индексные сообщения партнеру по коммуникации. Любая речь (вместе с ее паузами) происходит во взаимодействии при определенных обстоятельствах.

Конверсационный анализ – своего рода продолжение этнометодологии Г. Гарфинкеля, только формализованное и сфокусированное на речевых актах. У этнометодологии конверсационный анализ заимствует важную идею: исследователь описывает социальные ситуации и обыденные действия не в терминах социологии, «с высоты» своей учености, но пытается понять, как их анализируют сами участники коммуникации. Социальные акторы с удивительной точностью способны придавать значения паузам разной длительности в разных социальных контекстах. Конверсационный анализ представляет собой социологическую попытку схватить логику этого особого социального «чутья».

Инструментом и материалом для конверсационного анализа является аудио- или видеозапись разговора, которая преобразуется в детальный транскрипт, включающий все особенности речи. Интонации, паузы (в том числе, их количество, местоположение в структуре диалога, длительность и т. д.), вздохи, выражения лица, жесты и даже значимые действия во время реплики учитываются и имеют свое условное обозначение, а затем переносятся на бумагу для детального анализа.

Запись имеет принципиальное значение для накопления знаний о молчании в разных типах взаимодействий и формировании о них каких-либо значимых обобщений. Хотя этнометодологи часто указывают на неполноценность транскрипта перед видеозаписью, его использование имеет важную техническую функцию: запись разговора (и его пауз), характеризующаяся точностью и стабильностью, становится общедоступной, так как именно транскрипт включают в научную статью.

Большую роль в развитии такого типа анализа сыграло появление диктофонов и видеокамер, а после – и смартфонов, сделавших запись еще более удобной. В конверсационном анализе используются и аудио- и видеозаписи, однако и то и другое, если для исследования важно сохранить протекающее взаимодействие в его естественном виде, должно проводиться более или менее незаметно.

Разумеется, при формализации и квантификации пауз утрачивается что-то от их специфики. Цифры в скобках, которыми обычно обозначаются все паузы в транскрипте, иногда могут навеять уныние от того, что ничего, кроме наличия самой паузы они не значат. Однако, знание о наличии паузы определенной длительности в конкретном месте разговора говорит не так уж мало. Соотнося паузы со структурой всего взаимодействия, мы видим, что они возникают в типичных местах разговора и имеют определенную (в некотором «нормальном» для данного места диалога диапазоне) длительность. Так или иначе, в какой-то мере проблема такой «пустоты» пауз может быть решена одновременным анализом и транскрипта, и видео- (или аудио-) записи.

Конверсационный анализ и этнометодология дают понять, к примеру, что увеличение длительности паузы в разговоре на пару секунд может поменять не просто настроение и мысли его участников, но и саму тему разговора, и заставить партнера по коммуникации обсуждать, что значила эта пауза, по какой причине собеседник молчал дольше обычного и т. п. В логике конверсационного анализа причиной того, что высказывание есть именно такое, какое есть, кроется во всех предыдущих высказываниях или действиях. Поэтому в известном смысле молчание в разговоре обуславливается речью и вытекает из нее, а речь обуславливается молчанием. От одного взаимодействия к другому (имеющих разные структуры и рамки) будет меняться и положение паузы, и возможность использовать паузы для решения внутри взаимодействия своих собственных (участника) задач¹.

Конверсационный анализ полезен в исследовании молчания, так как с равным вниманием относится как к вербальным, так и к невербальным компонентам разговора. Не только молчание, но и другие отдельные невербальные проявления речи исследуются с помощью конверсационного анализа, например, смех [14, с. 178].

Разумеется, у конверсационного анализа есть и ограничения, особенно в поле невербалики. Во-первых, простое указание на наличие или отсутствие определенного невербального проявления или же величины паузы не отражает в полной мере специфику и характер данного эпизода взаимодействия; вопрос, как именно мы молчим, находит при помощи конверсационного анализа свой ответ, однако, последний иногда оказывается недостаточно развернутым. Во-вторых, молчание (и другие невербальные проявления), как неоднократно уже подчеркивалось, и само по себе трудно для интерпретации, однако, в случае конверсационного анализа исследователю приходится работать не просто с молчанием как оно есть, но с уже переработанным эмпирическим материалом, – транскрибированным текстом и условными обозначениями, что еще сильнее может притуплять улавливание специфики, свойственной структуре конкретной социальной, и эмоциональности, вложенной в нее участниками [14, с. 183]. Несмотря на это, конверсационный анализ – это, если не идеальный, то один из наиболее продуктивных способов эмпирического исследования молчания в повседневном разговоре.

¹ Об использовании и методах избегания пауз в ситуации реп-баттла см.: [1].

Эксперимент

О методе эксперимента в социологическом исследовании наблюдаемого молчания в настоящей работе не следует говорить много, так как он не слишком распространен в социологии, и еще менее, в том виде, в котором позволяет работать с естественным течением социальной жизни. Тем не менее этнометодологический эксперимент представляется нам одним из самых продуктивных способов «почувствовать» структуризацию и реструктуризацию локального социального порядка, а также увидеть процесс рационализации (объяснения), к которому неизменно прибегают участники ситуаций, чтобы справиться с «надломами» в привычной их упорядоченности. От настоящего научного эксперимента в точном смысле в такой работе остается довольно мало – разве что фундаментальная интуиция «а что, если?», применяемая к ситуациям, в которых сам экспериментатор оказывается естественным участником (речь об экспериментах в духе Г. Гарфинкеля [3]). Обычные люди (поскольку мы соотносим социологические методы «узнавания» о социальном мире с методами самих участников социальных взаимодействий) нередко испытывают ситуации «на прочность», то есть узнают об их границах с помощью молчания той или иной длительности, с теми или иными сопровождающими практиками, в том или ином контексте. Именно в этнометодологических экспериментах заложен огромный потенциал работы с социальным. Оказывая хотя бы минимальное вмешательство в кажущуюся непроницаемой ткань социальной жизни, мы можем изменять условия эксперимента в зависимости от предполагаемых гипотез и факторов, которые влияют на производство социального порядка.

В изучении социального опыта человека относительно молчания экспериментирование создает особые условия, где молчание может входить в жизнь испытуемого необычно сильно через серьезные самоограничения в речи (либо, наоборот, быть максимально исключенным из жизни, замененным речевым потоком). В эксперименте могут участвовать как люди, осознанно и добровольно принимающие для себя подобные ограничения, так и окружающие, которые могут знать или не знать о нем.

Последняя версия экспериментального молчания акцентирует внимание уже не столько на проблеме производства социального порядка в конкретных ситуациях (как у Г. Гарфинкеля и его учеников), а на более длительных психологических и социально-психологических эффектах для самого человека (испытуемого) как члена социума¹. Подобные эксперименты основаны на некоторого рода автоэтнографическом письме, исследовании самого себя в ситуации отказа от речи и других аудиальных стимулов (например, Интернета, музыки, мессенджеров). Личные переживания (и, что важно, – сила этих переживаний), чувства легкости или напряженности, умиротворения или тревоги, отрыва от общества или, наоборот, поиска новой социальности в тишине, могут быть показательны для исследователя молчаливых взаимодействий и эффектов молчания.

¹ Отдельными энтузиастами такой эксперимент проводится и в России. См., напр.: <http://silence.tilda.ws/#4> (дата обращения: 01.08.2024).

Заключение

Молчание было рассмотрено нами как реальный, обособленный в пространстве и времени феномен. С точки зрения наших теоретических позиций, как и с позиции рядового члена общества, молчание включено в контекст и зависит от него. Наиболее существенное влияние на смысл молчания оказывает локальный социальный контекст, или структура конкретной ситуации, в которой присутствует молчание в конкретном обществе. Следовательно, методы понимания этого «ситуативного» молчания и его роли в структуре взаимодействия (хоть и с точки зрения социологии как науки) в какой-то мере похожи на «методы», которые используют для его понимания рядовые члены общества. Само собой разумеющееся понимание молчания основано на знании устройства конкретных локальных социальных структур, в которые включено молчание, наблюдении некоторых признаков таких структур, их узнавании и воспроизводстве или возможности использования их гибкости для собственных (и не всегда практических) целей.

Такое базовое допущение о смысле и «природе» молчания, а также о сознании людей, живущих в обществе и осуществляющих это молчание на практике, и обосновывает вывод о том, что основой эмпирического анализа такого рода молчания должна стать качественная стратегия социологического исследования, как та, ключевой характеристикой которой является понимание смыслового мира, накладывающегося на мир просто наблюдаемых и непосредственно фиксируемых феноменов¹.

Таким образом, методологической основой исследования такого рода молчания является наблюдение. Однако, для целей выявления смысловой структуры ситуации его часто бывает недостаточно, поэтому наблюдение уместно сочетать с интервью и анализом документов. Кроме того, непосредственное наблюдение «ситуаций молчания» не всегда возможно, например, если доступ к «полю» затруднен. В ситуациях со строгой ролевой структурой (не допускающей наблюдающего социолога), – например, на «минуте молчания» или в коллективной медитации Випассана, – может использоваться включенное наблюдение. Конверсационный анализ, который также представляет собой работу с непосредственно слышимым и наблюдаемым молчанием (используются аудио- и видеозаписи), больше подходит для анализа достаточно коротких пауз в повседневных ситуациях социального взаимодействия. Использование конверсационного анализа в сочетании с указанными выше методами также может иметь высокую познавательную ценность. Экспериментальное же молчание, хоть и искажает нормальные ситуации взаимодействия, способно выявлять воздействие молчания на человека, окружающих людей и структуру ситуации, которые, в свою очередь, могут служить ценными гипотезами в последующих его исследованиях.

¹ Мы отсылаем в этом понимании к феноменологической традиции в социологии, основателем которой считается А. Шюц [16].

Библиографический список

1. Августис Ю. И. Производство порядка в рэп-баттлах: управление паузами и их отсутствием // Социологическое обозрение. 2017. № 3(16). С. 280–302. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-280-302; EDN: YTHMIZ.
2. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: ЕУ в СПб., 2008. 298 с.
3. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / Пер. с англ. З. Замчук, Н. Макарова, Е. Трифонова. СПб.: Питер, 2007. 335 с.
4. Гилевская А. Ю. Проявление и типология феномена молчания в ходе интервью // Идеи и новации. 2018. № 1(6). С. 84–88. EDN: QYOFCL.
5. Корбут А. М. Говорите по очереди: нетехническое введение в разговорный анализ // Социологическое обозрение. 2015. № 1(14). С. 120–141. EDN: TRRQZZ.
6. Медведева К. С. Полевая работа в монастыре: особенности включенного наблюдения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 1(19). С. 59–72. EDN: VVCCAN.
7. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение: открытие спирали молчания / Пер. с нем. М.: Прогресс-Академия, Весь мир, 1996. 352 с.
8. Подвойский Д. Г., Спиркина А. К. В тишине..., меж людей...: молчание как предмет социологического изучения // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 125–135. DOI: 10.31857/S013216250019659-7; EDN: GRVUVS.
9. Рогозин Д. М. Протокол завершения интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. № 4(15). С. 115–124. DOI: 10.19181/inter.2023.15.4.6; EDN: AQONVJ.
10. Спиркина А. К. Игра в «молчанку» как форма социального взаимодействия // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 84–92. DOI: 10.31857/S013216250026588-9; EDN: GJWUVH.
11. Спиркина А. К. Роль молчания в производстве социального порядка медитации (на примере випассаны) // Вестник РУДН. Социология. 2023. № 2(23). С. 389–403. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-389-403; EDN: XSDHTJ.
12. Спиркина А. К. Конструирование социальности в практике «молчания у гроба» // Умолчание. Интерпретация культурных кодов: 2023 / Сост. и общ. ред. В. Ю. Михайлина. Саратов: ИЦ «Наука», 2023. С. 244–257. EDN: EUOHOU.
13. Старченко М. С. Молчанка – жанр детского потешного фольклора // Вестник Челябинского госуниверситета. 2011. № 3(218). С. 131–133. EDN: NUFLTV.
14. Троцук И. В. Почему смеются люди – вот в чем вопрос. Glenn Ph. laughter in interaction. Cambridge: Cambridge University Press, 2003 // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 175–184. EDN: PFOSCH.

15. Умолчание. Интерпретация культурных кодов: 2023 / Сост. и общ. ред. В. Ю. Михайлина. Саратов: ИЦ «Наука», 2023. 288 с. EDN: EHJELA.
16. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. В. Г. Николаев, С. В. Ромашко, Н. М. Смирнова. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
17. Christensen H. R., Høeg I. M. et al. Rooms of silence at three universities in Scandinavia // *Sociology of Religion*. 2019. No. 3(80). P. 299–322. DOI: 10.1093/socrel/sry040.
18. Eddy G. An ethnography of the vipassana meditation retreat: a reflexive evaluation of the participant-observer's meditation experience as an interpretive tool // *Fieldwork in religion*. 2014. No. 1(9). P. 68–86. DOI: 10.1558/fiel.v9i1.68.
19. Pagis M. Evoking equanimity: silent interaction rituals in vipassana meditation retreats // *Qualitative sociology*. 2015. No. 1(38). P. 39–56. DOI: 10.1007/s11133-014-9295-7.
20. Pagis M. Producing intersubjectivity in silence: an ethnographic study of meditation practice // *Ethnography*. 2010. No. 2(11). P. 309–328. DOI: 10.1177/1466138109339041.
21. Presser L. *Unsaid: Analyzing Harmful Silences*. Oakland, CA: University of California, 2022. 212 p.
22. *Qualitative Studies of Silence: The Unsaid as Social Action* / Ed. by Murray A. J., Durrheim K. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 310 p.
23. Rahmani M. S. Goenka's vipassana movement: from conversion to disaffiliation // *The Oxford handbook of meditation* / Ed. by M. Farias, D. Brazier, M. Lalljee. N. Y.: Oxford University Press, 2019. P. 629–650. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198808640.013.31.
24. Scheff T. Aggression, hypermasculine emotions and relations: the silence/violence pattern // *Irish Journal of Sociology*. 2006. No. 1(15). P. 24–39. DOI: 10.1177/079160350601500103.
25. Simmel G. The Sociology of Secrecy and of Secret Societies // *American Journal of Sociology*. 1906. No. 4(11). P. 441–498.
26. Vu M. C., Fan Z. Sounds of Silence: The Reflexivity, Self-decentralization, and Transformation Dimensions of Silence at Work // *Journal of Management Inquiry*. 2022. No. 3(31). P. 307–325. DOI: 10.1177/10564926211007942.
27. Zerubavel E. *The elephant in the room: silence and denial in everyday life*. N. Y.: Oxford University Press, 2006. 176 p.

Получено редакцией: 15.08.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Спиркина Анастасия Константиновна, младший научный сотрудник Центра теоретических и историко-социологических исследований

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.7

Sociological Methods of Studying Silence

Anastasiya K. Spirkina

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

spirkina.ak@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2849-6792

For citation: Spirkina A. K. Sociological Methods of Studying Silence. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 135–150. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.7; EDN: UPWPMR.

Abstract. This paper is devoted to the methods of studying silence as a social phenomenon. As a research object, it is characterised by a high degree of uncertainty, multiple interpretations and even mystifications. Therefore, in order to transfer the issue of silence from abstract discussions to scientific empirical study, it is necessary to determine the relevant methods for its study. This, in turn, is fundamental for overcoming the “uncertainty” that culture imposes on the practices of silence. One of the ways to overcome this is the micro-structural sociological approach to understanding silence as an element of the situation, that is studied in this article. The paper substantiates the relevance of the qualitative strategy for studying silence, analyses the cognitive potential of participant and non-participant observation, interviews, document analysis and conversational analysis in the study of silence. Silence is understood by the author as a fundamentally audible and observable phenomenon. Thus, the methodological analysis conducted in the work, in a broad sense, applies not only to silence, but also to all cultural phenomena that can be “translated” into the language of spatio-temporal certainty and studied as such.

From this understanding of the research object, a set of basic methods for studying silence as a micro-structural phenomenon is constructed. Observation based on understanding the meaning is a key research method. It works with the structure of the situation directly, without influencing it. The methods of interviews and document analysis are additional, but often necessary, due to insufficient access to direct observation by the researcher, as well as due to limit research subjectivity and supplement of information obtained only through personal participation. The methods of conversation analysis and ethnomethodological experiment also prove to be very valuable in solving the above research problems, however, they have more specific functions. Conversation analysis is focused on working with audible and observed silence, on creating an audio (video) recording and a transcript showing the structural arrangement of silence and pauses. The convenience of using this method is limited to the analysis of relatively short-term interaction, such as everyday conversation. Whilst the experiment influences the situation, transforms it, but allows us to find objective and subjective zones of the situation, where silence or its absence are significant elements of the situation.

Keywords: sociology, silence, interaction situation structure, qualitative strategy, sociology of everyday life, observation, convergent analysis

References

1. Avgustis I. The Production of Order during Rap Battles: Managing Pauses and Their Absences. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2017: 16(3): 280–302 (in Russ.). DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-280-302; EDN: YTHMIZ.
2. Volkov V. V., Harhordin O. V. *Teoriya praktik* [Theory of practices]. St. Petersburg, EU v SPb., 2008: 298 (in Russ.).
3. Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Transl. from Eng. by Z. Zamchuk, N. Makarova, E. Trifonova. St. Petersburg, Piter, 2007: 335 (in Russ.).
4. Gilevskaya A. Yu. The manifestation and typology of the silence phenomenon in an interview. *Idei i novacii*, 2018: 6(1): 84–88 (in Russ.). EDN: QYOFCl.
5. Korbut A. M. Turn-Talking: Non-technical Introduction to Conversation Analysis. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2015: 14(1): 120–141 (in Russ.). EDN: TRRQZZ.
6. Medvedeva K. S. Field work in a monastery: features of participant observation. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii*, 2016: 19(1): 59–72 (in Russ.). EDN: VVCCAN.
7. Noelle-Neumann E. *The Spiral of Silence: Public Opinion*. Transl. from German. Moscow, Progress-Akademiya, Ves mir, 1996: 352 (in Russ.).
8. Podvoyskiy D. G., Spirkina A. K. In the quiet..., between people...: Silence as a subject of sociological study. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 6: 125–135 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250019659-7; EDN: GRVUVS.

9. Rogozin D. M. Interview Completion Protocol. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya*, 2023: 15(4): 115–124 (in Russ.). DOI: 10.19181/inter.2023.15.4.6; EDN: AQONVJ.
10. Spirkina A. K. “Silence game” as a form of social interaction. *Sotsiologicheskiiye issledovaniya*, 2023: 7: 84–92 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250026588-9; EDN: GJWUVH.
11. Spirkina A. K. The role of silence in the production of social order in meditation (on the example of vipassana). *Vestnik RUDN. Sociologiya*, 2023: 23(2): 389–403 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-389-403; EDN: XSDHTJ.
12. Spirkina A. K. Construction of sociality in the practice of «silence at the coffin». In: *Silence. Interpretation of cultural codes: 2023*. Ed. by V. Y. Mikhailov. Saratov: IC «Nauka», 2023: 244–257 (in Russ.). EDN: EUOHOU.
13. Starchenko M. S. Molchanka – zhanr detskogo poteshnogo folklora [Silence game – a genre of children’s amusing folklore]. *Vestnik Chelyabinskogo gosun-ta*, 2011: 218(3): 131–133 (in Russ.). EDN: NUFLTV.
14. Trocuk I. V. Pochemu smeyutsya lyudi – vot v chem vopros. Glenn Ph. laughter in interaction. Cambridge: Cambridge University Press, 2003 [Why do people laugh – that is the question. Glenn Ph. laughter in interaction. Cambridge: Cambridge University Press, 2003]. *Sociologicheskij zhurnal*, 2008: 3: 175–184 (in Russ.). EDN: PFOSCZ.
15. *Silence. Interpretation of cultural codes: 2023*. Ed. by V. Y. Mikhailov. Saratov, IC «Nauka», 2023: 288 (in Russ.). EDN: EHJELA.
16. Schutz A. Selected works. Transl. from Eng. and Ger. by V. G. Nikolaev, S. V. Romashko, N. M. Smirnova. Moscow, ROSSPEN, 2004: 1056 (in Russ.).
17. Christensen H. R., Høeg I. M. et al. Rooms of silence at three universities in Scandinavia. *Sociology of Religion*, 2019: 80(3): 299–322. DOI: 10.1093/socrel/sry040.
18. Eddy G. An ethnography of the vipassana meditation retreat: a reflexive evaluation of the participant-observer’s meditation experience as an interpretive tool. *Fieldwork in religion*, 2014: 9(1): 68–86. DOI: 10.1558/fiel.v9i1.68.
19. Pagis M. Evoking equanimity: silent interaction rituals in vipassana meditation retreats. *Qualitative sociology*, 2015: 38(1): 39–56. DOI: 10.1007/s11133-014-9295-7.
20. Pagis M. Producing intersubjectivity in silence: an ethnographic study of meditation practice. *Ethnography*, 2010: 11(2): 309–328. DOI: 10.1177/1466138109339041.
21. Presser L. *Unsaid: Analyzing Harmful Silences*. Oakland, CA, University of California, 2022: 212.
22. *Qualitative Studies of Silence: The Unsaid as Social Action*. Ed. by Murray A. J., Durrheim K. Cambridge, Cambridge University Press, 2019: 310.
23. Rahmani M. S. Goenka’s vipassana movement: from conversion to disaffiliation. In: *The Oxford handbook of meditation*. Ed. by M. Farias, D. Brazier, M. Lalljee. New York, Oxford University Press, 2019: 629–650. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198808640.013.31.
24. Scheff T. Aggression, hypermasculine emotions and relations: the silence/violence pattern. *Irish Journal of Sociology*, 2006: 15: 24–39. DOI: 10.1177/079160350601500103.
25. Simmel G. The Sociology of Secrecy and of Secret Societies. *American Journal of Sociology*, 1906: 11(4): 441–498.
26. Vu M. C., Fan Z. Sounds of Silence: The Reflexivity, Self-decentralization, and Transformation Dimensions of Silence at Work. *Journal of Management Inquiry*, 2022: 31(3): 307–325. DOI: 10.1177/10564926211007942.
27. Zerubavel E. *The elephant in the room: silence and denial in everyday life*. New York, Oxford University Press, 2006: 176.

The article was submitted on: August 15, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasiya K. Spirkina, Junior Researcher of the Center for Theoretical, Historical and Sociological Research